

как намерение превратить один из них в конечный пункт Сибирской железной дороги ибо позиции русской торговли в королевстве были ничтожны)¹⁹⁸. В январе 1898 г. аналогичный запрос последовал в адрес Е.И. Алексеева¹⁹⁹.

5.7. Захват Порт-Артура и пересмотр корейской политики России

Очередная перемена курса в отношении Кореи произошла после того, как Петербург принял решение ввести свои корабли на рейд Порт-Артура и Даляньваня в декабре 1897 г. Эти две проблемы были тесно связаны между собой. В отличие от министра финансов, М.Н. Муравьёв, настоявший на захвате китайских портов, рассматривал нахождение русских кораблей там скорее как временное, для давления на Китай, чтобы приобрести более удобную гавань и только в комбинации с уступками Японии на Корейском полуострове. Нет оснований полагать, что министр иностранных дел предполагал полностью отказаться от всякого влияния в королевстве в пользу Токио, но вот не допускать там никакой активности впредь – было решено сразу. М.Н. Муравьёв подтвердил прежнюю точку зрения: не делать в Корее ничего, что могло бы вызвать недовольство и подозрения в Японии²⁰⁰. Министр назвал «совершенно неуместными» намерения Ф.В. Дубасова послать в Сеул 300 моряков для «охраны» короля в ответ на слухи о приходе английской эскадры (несмотря на то, что сам М.Н. Муравьёв воспользовался подобным слухом, чтобы захватить Порт-Артур)²⁰¹. 11 декабря 1897 г.,

¹⁹⁸ РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1090. Л.1.

¹⁹⁹ Там же. Л.33–37.

²⁰⁰ М.Н. Муравьёв – П.П. Тыртову 6 января 1898 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1710. Л.244–245. Однако военные думали иначе. Видимо, они опасались агрессивных действий Токио именно в Корее и готовились к ответным действиям. В начале 1898 г. в частях Приамурского военного округа ходили «смутные слухи о формировании какого-то отряда и предстоящего его похода, как говорили, в Корею для оккупации главных её центров; однако секрет если не самого формирования, то предстоящего назначения этого отряда был сохранён» (Тыртов М.А. Из недавнего прошлого военно-судебного деятеля // ОР ИРЛИ. Разряд I. Оп.27. №75. Л.1).

²⁰¹ М.Н. Муравьёв – П.П. Тыртову 7 декабря 1897 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1710. Л.99–100. Ф.В. Дубасов, в отличие от министра иностранных дел, рассматривал слух о приходе англичан в Чифу как ответ на назначение К.А. Алексеева главой корейских финансов и полагал, что России в качестве ответной меры следует захватить порт Мазанпо и остров Кожедо (Каргодо) (Ф.В. Дубасов – П.П. Тыртову 27 ноября 1897 г. // Там же. Л.25). Занятие Порт-Артура не остановило адмирала: он продолжал настаивать на осуществлении своих корейских планов, беспокоясь за судьбу короля, которого могли свергнуть японцы, и за влияние России в королевстве (Ф.В. Дубасов – П.П. Тыртову 27 декабря 1897 г. // Там же. Л.218–222). Китайский порт его не устраивал, так как бухта Порт-Артура была неудобна для стоянки флота: ему мешали сильный боковой ветер, неглубокий рейд, необходимость установки волнорезов (Ф.В. Дубасов – П.П. Тыртову

сразу после того, как русские корабли заняли рейд Порт-Артура и Даляня, А.Н. Шпейеру было дано предписание соблюдать особую осторожность, чтобы сохранить дружеские отношения с Японией. Уже 6 декабря 1897 г. российский МИД известил К.А. Алексеева о том, что Петербург не настаивает на подчинении корейской таможни именно ему, а 16 декабря – о намерении пересмотреть его контракт. Отныне начальнику корейских финансов следовало действовать исключительно от своего имени²⁰². Вообще министр иностранных дел оперативно выразил готовность отказаться «при известных условиях» от московского соглашения 1898 г., «порождающего столько недоразумений». После Порт-Артура он намеревался предложить Японии «льготы и преимущества» на рынках Китая, Кореи и Сибири²⁰³.

Однако К.А. Алексеев решил, «что наше дело в Корее даже не оставлено на произвол судьбы, а как-то систематически удивительно последовательно сводилось на нет каким-то злым гением» и фактически отказался следовать указаниям из Петербурга²⁰⁴. Он продолжил прежний курс на укрепление российского влияния в королевстве. Аналогичную позицию заняли и представители МИД в Корее. Однако на этот раз ведомство не стало осуждать своих сотрудников: констатировав, что А.Н. Шпейер сделал значительно больше, чем предписывалось данными ему инструкциями, дипломатическое руководство всё-таки признало «совершенно невозможным отказаться от достигнутых результатов без ущерба для нашего обаяния в Корее»²⁰⁵. Петербург в сущности ещё раз отмежевался лишь от всяких планов присоединения Кореи, которые, кажется, имели в виду российские представители в королевстве, и подчеркнул необходимость соблюдения территориальной целостности государства. В феврале 1898 г. М.Н. Муравьёв напомнил, что в намерения Николая II «не входит мысль о занятии Северной Кореи нашими войсками, что было бы противно провозглашае-

---

2 марта 1898 г. // Там же. Л.356–358). Очередной поворот в корейской политике России Ф.В. Дубасов рассматривал как ошибку: «Ныне мы отступили из Кореи, конечно, временно, но брать её придётся теперь уже с бою». Адмирал был уверен, что войны с Японией не избежать и считал «безусловно необходимым раздавить её – эту, по моему мнению, гадину Востока» (Д.М. Позднеев – П.М. Романову 28 октября 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.11. Л.224–224 об.).

²⁰² Синхронистическая таблица событий вокруг Порт-Артура и в Корее в конце 1897 – начале 1898 гг. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.21. Л.129–137.

²⁰³ М.Н. Муравьёв – Р.Р. Розену 28 декабря 1897 г. с согласия Николая II (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.105. Л.51–51 об.

²⁰⁴ К.А. Алексеев – С.Ю. Витте 7 декабря 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.52. Л.254–260.

²⁰⁵ Справка о последовательно сделанных японским правительством предложениях в целях мирного разрешения корейского вопроса. [1901 г.] // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.184. Л.51.

тому нами принципу независимости этой страны»²⁰⁶. Дальше всех отступил С.Ю. Витте: он отказался вообще от каких-либо целей в Корее и был готов отдать её целиком японцам. В этом разномыслии ещё раз проявилась тревожная черта: невозможность достичь единства во взглядах в Петербурге на корейскую политику, особенно после захвата Порт-Артура.

На этом фоне начался очередной обмен мнениями с Японией о ситуации вокруг полуострова. Японцы ещё в декабре 1897 г., до занятия Порт-Артура, начали зондировать почву на предмет соглашения с Россией по Корее, выбрав в качестве возможного посредника Францию²⁰⁷. В конце декабря 1897 г. М.Н. Муравьев имел конфиденциальный разговор с посланником Т. Хаяши. Министр передал ему позицию Николая II: трения между Токио и Петербургом в Корее не отвечают интересам обеих стран. Царь признал, что Корея значительно важнее для Японии, чем для России, поэтому он был готов удовлетвориться сохранением независимости королевства. Это выглядело не только как сдача прежних позиций (не допускать японского влияния в Корее), от чего отрёкся МИД, утверждая, что речь идёт всего лишь о паритете, но и как предложение обменять господство Токио на полуострове на признание захвата Ляодуна (что, кстати, царь совсем не имел в виду). Именно так понял суть разговора японский дипломат, ответив, что они всегда готовы к подобным переговорам. Схожие по содержанию разговоры вёл посланник в Токио Р.Р. Розен: Россия станет содействовать Японии в коммерческих и экономических предприятиях в Корее. Однако в отличие от Т. Хаяши, Т. Ниши сразу заявил, что этого мало, Петербургу следует отозвать военных инструкторов и финансового советника²⁰⁸.

4 (16) февраля 1898 г. японский посланник в России предложил заключить новое соглашение по Корее и представил его проект. Страна восходящего солнца претендовала на то, чтобы ей было предоставлено либо право готовить корейскую армию, либо место финансового советника короля (т.е., установить с Россией фактический паритет)²⁰⁹. Токио также хотел обменять признание за Японией исключительного права советовать и помогать Корее (т.е., протекторат де-факто) на отказ от Маньчжурии. В.Н. Ламздорф признавал, что претензии Страны восходящего солнца в Корее имели «некоторую основательность», поэтому если за Россией осталась бы «вся военная часть», то Японии

---

²⁰⁶ Телеграмма В.Н. Ламздорфа А.Н. Шпейеру 18 февраля 1898 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.145. Л.24.

²⁰⁷ Коряков В.П. Указ. соч. С.136.

²⁰⁸ См. об этом: Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.795–799.

²⁰⁹ Синхронистическая таблица событий вокруг Порт-Артура и в Корее в конце 1897 – начале 1898 гг. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.21. Л.129–137; Р.Р. Розен – в МИД 8 марта 1898 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.110. Л.54–54 об.; Пак Б.Д. Указ. соч. С.304; Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.802.

можно было уступить контроль за финансами²¹⁰. Но с переговорами дипломат предлагал не спешить, считая, что соглашению с Японией должен предшествовать договор с Англией (вероятно, не предполагая, какие трудности уготовит такому решению С.Ю. Витте). Получилось, что Токио проиграл этот обмен мнениями: из Японии вытянули признание касательно Маньчжурии, не пообещав за это ничего определённого.

Ответ Японии последовал незамедлительно. 11 (23) февраля 1898 г. в Сеуле началась сильная атака на короля: «Клуб независимости» потребовал удалить всё русское из Кореи, для подтверждения своей решимости заговорщики ранили саблём корейца – переводчика русской миссии. По времени эти действия совпали также с решением вопроса о продаже России участков в портах Мокпо и Циннампо для создания угольных станций²¹¹. Король обратился за помощью к России, А.Н. Шпейер предложил монарху опять укрыться в российской миссии. Но он был в высшей степени обескуражен, когда получил из Петербурга категорический запрет на пребывание короля и выговор за свою инициативу. Дипломату пришлось взять своё приглашение назад, чем он «совершенно передал императора в руки заговорщиков»²¹². М.Н. Муравьёв в ответ 21 февраля 1898 г. направил депешу дипломатам с требованием строго придерживаться принципа независимости Кореи, что фактически означало запрет на борьбу с прояпонскими силами. В.Н. Ламздорф доложил Николаю II: «Счастье, что Шпейеру не удалось (! – И.Л.) уговорить императора корейского переехать в миссию, под защиту нашего флага!»²¹³ Ныне у нас руки совершенно развязаны. Мы вполне последовательно докажем, что занимались внутренними делами Кореи только по просьбе короля и его правительства и исключительно с целью обеспечить независимость страны. Теперь мы можем гораздо легче сговориться с Японией. Кондоминимуму нужно избегать <...> Во внутренние дела нам незачем более вмешиваться, достаточно за ними наблюдать»²¹⁴. Это означало, что товарища министра иностранных дел не только не смутили происшедшие в Сеуле события,

²¹⁰ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 20 января 1898 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.59. Л.5–5 об.

²¹¹ На эти цели было затрачено 3187,87 мексиканских долларов и 2959,15 японских иен, включая расходы на поездку (К.А. Алексеев – С.Ю. Витте 15 марта 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.763. Л.22–23). В Циннампо Россия приобрела два участка общей площадью около 235 тыс. кв. метров, однако 150 тыс. из них находилось в зоне приливов и лишь 80 тыс. – суша (Церерин А. Циннампо, корейский порт, открытый для внешней торговли. Б/м., [1903]. С.7–8). Однако сделка не была завершена, а позднее Россия забросила эти участки (Русско-японская война 1904–1905 гг. С.289–290, 352).

²¹² Русско-японская война 1904–1905 гг. С.288.

²¹³ Возможно, что такое искажение смысла («не удалось уговорить» и «запретить») было следствием боязни того, что Николай II может поддержать короля.

²¹⁴ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 3 марта 1898 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.59. Л.12 об. – 13.

но и дали ему повод уступить Токио («избегать кондоминиума»). Он также продолжал выражать уверенность в том, что Корея не могла существовать самостоятельно, как независимое государство, поэтому допускал, что в будущем Россия займёт северную часть королевства. Такое поведение В.Н. Ламздорфа свидетельствовало лишь о слабой компетентности руководства внешнеполитического ведомства в дальневосточных делах.

Фактически корейский монарх оказался перед дилеммой: либо рисковать своей властью и жизнью, либо настаивать на удалении русских. Конечно, он выбрал второе. 28 февраля 1898 г. корейское правительство заявило об отказе от услуг военных инструкторов и советников (несколько дней спустя Петербург, сохраняя лицо, заявил, что он решил вернуть командированных в королевство офицеров)²¹⁵. 5 марта русский охранный батальон покинул королевский дворец. В завершение всего с корейской службы ушёл К.А. Алексеев, оставивший после себя в казне 1 278 127 мексиканских долларов (чем он очень гордился). 2 марта 1898 г. М.Н. Муравьёв распорядился приостановить движение русской духовной миссии в Корею, задержав их в Японии (миссия состояла всего из трёх человек)²¹⁶. Резкий перелом в политике России также ярко проявился в истории с Русско-Корейским банком. 1 марта 1898 г. открылось его отделение в Сеуле, но уже в апреле 1898 г. всякая деятельность банка прекратилась²¹⁷.

²¹⁵ М.Н. Муравьёв – П.П. Тыртову 4 марта 1898 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1710. Л.367.

²¹⁶ Чо Чон Хван. Русская православная миссия в Корею. М., 1997. С.63.

²¹⁷ С.Б. Габриэль – Н.Г. Матюнину 27 апреля 1898 г. // АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.104. Л.28. Позднее Н.Г. Матюнин писал: «Заккрытие банка вызвало общее сожаление в здешнем европейском обществе, но более всего – среди китайцев, весьма неохотно обращающихся к услугам японцев». Посланник предлагал взамен открыть в Сеуле отделение Русско-Китайского банка (Н.Г. Матюнин – М.Н. Муравьёву 29 августа 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.765. Л.104–105). Но Министерство финансов отказалось и от этого (П.М. Романов – В.Н. Ламздорфу 22 сентября 1898 г. // Там же. Л.110). В марте 1899 г. пошёл слух, что Япония предложила Корею заём. Российские дипломаты намеревались перехватить его, но идея не нашла отклика у С.Ю. Витте, заявившего, что он не считает возможным помогать королевству (С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 10 марта 1899 г. // Там же. Д.52. Л.270) либо просто участвовать в корейском займе (С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 21 мая 1899 г. // Там же. Л.272). Летом 1899 г. посланник в Сеуле А.И. Павлов провёл шесть недель в Петербурге и имел аудиенцию у Николая II, которому предложил открыть агентство Русско-Китайского банка в Сеуле. Царь ответил: «Вы возбудите этот вопрос, а я со своей стороны нажму». Конечно, дипломат сразу сообщил об этом своему непосредственному начальству – В.Н. Ламздорфу и М.Н. Муравьёву (А.И. Павлов – Д.Д. Покотилову 29 августа 1899 г. // Там же. Л.30 об. – 31). В конце 1899 г. у министра иностранных дел появился повод, чтобы вернуться к этому вопросу: он получил известие, что Гонконг-Шанхайский банк решил открыть своё отделение в Сеуле. М.Н. Муравьёв предложил С.Ю. Витте опередить англичан (М.Н. Муравьёв – С.Ю. Витте 11

В несколько месяцев Россия перечеркнула всё, чего её представители добились, и безуспешно, в течение нескольких лет²¹⁸.

Внешнеполитическое ведомство уже, кажется, не отдавало себе отчёт в том, что именно ему следует делать в Корее. «Не тратя напрасно (! – И.Л.) сил и времени в видах сохранения нашего преобладающего влияния в делах внутреннего управления страны и поддержания авторитета императора, который, очевидно, утратил всякое (! – И.Л.) значение в среде своего собственного народа, нам, по видимому, следовало бы отныне все усилия свои направлять к ограждению на полуострове исключительно наших собственных интересов»²¹⁹ – так объяснял контуры новой политики России в Корее МИД.

Сразу после этих действий крупный чиновник МИД, бывший директор Азиатского департамента (1896–1897 гг.) Н.Г. Гартвиг обратился к хозяину «Нового времени» А.С. Суворину с просьбой поместить в газете рядом с правитель-

---

декабря 1899 г. // Там же. Л.283). Министр финансов невежливо ответил, что правление банка не станет даже рассматривать этот вопрос, так как в коммерческом отношении такое отделение невыгодно, и почему-то обусловил появление русского кредитного учреждения на Корейском полуострове политической стабильностью в королевстве (С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 22 декабря 1899 г. // Там же. Л.294–295). В сентябре 1896 г., когда политической стабильности в Корее было не больше, министр финансов сам предлагал открыть там филиал Русско-Китайского банка (помета С.Ю. Витте на донесении Д.Д. Покотилова 16 сентября 1896 г. // Там же. Д.20. Л.106). М.Н. Муравьёв не преминул подчеркнуть противоречие в аргументации коллеги: констатация невыгодности сочеталась с обусловленностью политическими причинами, отметив, что оценка МИДа отличалась от взглядов Министерства финансов на Корею (М.Н. Муравьёв – С.Ю. Витте 5 января 1900 г. // Там же. Д.52. Л.296–297). С.Ю. Витте в ответ объяснил своё решение приобретением Ляодуна, заметив: надо «иногда дать некоторые уступки (! – И.Л.) для достижения более важных результатов в другом отношении» (С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 13 января 1900 г. // Там же. Л.300–305). Даже вмешательство Николая II, поддержавшего идею в конце 1899 г., не помогло: министр финансов всё равно отказался открыть российское финансовое учреждение в Корее (С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 22 декабря 1899 г. // Там же. Д.765. Л.144–145).

²¹⁸ Решение царя и его ближайшего окружения вызвали неожиданную реакцию в МИД. Не сведущие в деталях чиновники почему-то сочли, что виноваты во всём корейцы, которые «просто выгнать нас собрались. С навязанными (! – И.Л.) им инструкторами они ещё мирились. Но когда приехал финансовый агент Алексеев и хотел забрать в руки всё финансовое управление, т.е., деньги, то они окончательно возмутились» (Дневник Ф.Р. Остен-Сакена, запись 26 марта 1898 г. // РГАДА. Ф.1385. Оп.1. Д.474. Л.6). Удивительно, что он услышал этот рассказ от директора Азиатского департамента А.К. Базили! То есть, в Азиатском департаменте связали перемену в позиции корейцев исключительно с неудачными действиями русских в королевстве, а не с общей ситуацией на Дальнем Востоке и с изменениями в российской политике там.

²¹⁹ Всеподданнейшая записка МИД 2 марта 1898 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.110. Л.53 об. – 54.

ственным сообщением о политике России в Корее заметку, которой придавал «первостепенное значение». В частности, в ней утверждалось: «Можно было бы, например, выставить на вид, что Россия настоящим своим поведением в корейских делах как нельзя лучше доказала честность и бескорыстность своей политики, что все иностранные толки о её тайных замыслах в Корее оказались несправедливыми»²²⁰. Статья в газете, считавшейся официозом российского правительства, была адресована, прежде всего, за границу. Петербург таким образом сообщал о новом курсе на Корейском полуострове. Интересно, что по времени это произошло не после, а до заключения договора об аренде Порт-Артура с Китаем 15 (27) марта 1898 г. Причём переговоры об аренде продвигались трудно, и Россия до последнего момента не могла быть уверена в их положительном исходе.

Сигналы из Петербурга возымели успех. Уже 10 марта 1898 г. Р.Р. Розен сообщил, что Япония готова признать Маньчжурию вне сферы своих интересов. В.Н. Ламздорф разъяснил Николаю II: «Покамест это всё, что нам нужно, если при этом Япония признает независимость Кореи и не станет слишком явно вмешиваться в её дела. <...> После занятия портов Артура и Даляньваня можно будет объяснить, что если для Японии существуют интересы по близкому соседству с Кореєю, то таковые не менее существуют для сопредельной России». Товарищ министра не был склонен уступать Японии в Корее слишком много, полагая, что завладение Ляодуном не накладывает на Россию никаких обязательств перед Токио. Поэтому он также заявил, что Петербург должен быть готов «занять некоторые пункты на севере Кореи»²²¹. Корейская политика России отныне рассматривалась В.Н. Ламздорфом исключительно в контексте русско-японских отношений (что было, вероятно, ошибочно). Мнение самой Кореи и её правительства совершенно не интересовало чиновника. Он, например, всячески уклонялся от согласия принять в Петербурге корейское посольство (делегацию), несмотря на два обращения короля, полагая, что пойти навстречу следует лишь после третьего, но его, кажется, не последовало²²².

Первым следствием поворота в русской политике в Корее стало заключение нового русско-японского соглашения, подписанного 13 апреля 1898 г. В нём было всего три статьи. Россия впервые в одностороннем порядке обещала не вмешиваться в торгово-промышленные отношения Токио и Сеула, то есть, открыла широкую дорогу японскому влиянию в королевстве²²³.

²²⁰ Н.Г. Гартвиг – А.С. Суворину 6 марта 1898 г. // РГАЛИ. Ф.459. Оп.1. Д.855. Л.5–5 об.

²²¹ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 10 марта 1898 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.59. Л.15–15 об.

²²² Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 10 марта 1898 г. // Там же. Л.17–17 об.

²²³ Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С.313–314. Б.А. Романов усмотрел в соглашении результат совместного влияния Японии и Англии,

Казалось бы, что Япония должна была хотя бы на время удовлетвориться достигнутым. Но вместо облегчения Петербург столкнулся с другой, неожиданной проблемой: оказалось, что резкий поворот в корейской политике спровоцировал возражения в России. Неважно, какими интересами они вызывались, главное, что они выглядели убедительно, критикуя «новый курс». В частности, на идее восстановления и укрепления в Корее российского влияния появились безобразовцы²²⁴. Николай II не только принял их идеи, но и дал старт программе действий, находившейся в разительном контрасте с правительственной политикой в королевстве. Оказалось, что на Дальнем Востоке у России есть две политики: царская официальная и царская же, но неофициальная. Такое «разделение» не могло иметь положительного результата. Применительно же к Корее получалось, что Россия уходит из королевства, одновременно не желая этого и продолжая активные действия там. Это базовое противоречие порождало разнонаправленные решения, что лишь ещё более запутывало корейскую политику Петербурга.

Это проступило, например, при замене слишком активного Н.Г. Матюнина на А.И. Павлова во второй половине 1898 г., когда последний получил наставление, в котором говорилось, что в будущем возможно возвращение к планам установления российского господства в Корее, но без ссоры с Японией!²²⁵ Трудно представить, как бы это могло выглядеть. Пока же А.И. Павлову предписали «собирать возможно более полные и точные данные о настоящем положении вещей в Корее» – и всё!²²⁶ Одновременно С.Ю. Витте блокировал всякую экономическую активность русских в королевстве. В августе 1898 г. МИД обратился к нему за помощью, чтобы воспрепятствовать переходу концессии М.Д. Нищенского, которую тот так и не использовал, в руки иностранцев²²⁷. Министр финансов ответил: «К сожалению, однако, русские капиталисты и предприниматели при нынешнем положении дел в Корее не находят для себя возможным купить концессию г. Нищенского или принять в ней какое-либо участие», делая

направленного на размен Маньчжурии (!) на Корею, но никаких убедительных доказательств своего неожиданного предположения не привёл (Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895–1907. Изд 2-е, испр. и доп. М.:Л., 1955. С.90–91). Б.Д. Пак представил соглашение как серьёзную уступку Японии, сообщив при этом, что в Петербурге в нём видели «значительный дипломатический успех» (Пак Б.Д. Указ. соч. С.306). Сами же японцы не придали ему существенного значения и рассматривали как добавление к московскому договору Лобанов-Ямагата.

²²⁴ Подробнее см главу 9 «Безобразовцы: царская “неофициальная” политика на Дальнем Востоке в 1898–1904 гг.»

²²⁵ Пак Б.Д. Указ. соч. С.307.

²²⁶ Секретная инструкция А.И. Павлову, утверждённая Николаем II 3 сентября 1898 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.110. Л.51.

²²⁷ В.Н. Ламздорф – П.М. Романову 2 августа 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.529. Л.29.

вид, что он не знает, что вся экономическая деятельность на Дальнем Востоке такого рода была возможна лишь за казённый счёт²²⁸. М.Д. Нищенский обратился за ссудой в Русско-Китайский банк (он просил всего 75 тыс. руб. на 5 лет), но А.Ю. Ротштейн решил денег не давать, так как не усмотрел возможность получить прибыль²²⁹. Несмотря на то, что МИД придавал концессии М.Д. Нищенского политическое значение, ближайший подручный С.Ю. Витте свёл её к чисто экономическому предприятию. Сам министр финансов окончательно похоронил идею корейского займа. На телеграмме А.Ю. Ротштейну из Шанхая он оставил резолюцию: «Рекомендуйте не давать и не отвечать ничего положительного»²³⁰. Это означало, что в Министерстве финансов Корея более не рассматривалась как цель. Свою позицию С.Ю. Витте прямо выражал в начале 1900 г.: «занятие Квантура грозило бы огромными осложнениями с Японией в Корее – если бы мы оттуда не ушли. Для того, чтобы занятие Квантуна прошло благополучно, мы ушли из Кореи»²³¹.

Петербург всё-таки не совсем забыл про королевство. Вопреки позиции С.Ю. Витте, Морское министерство по-прежнему интересовалось участками на корейском побережье для организации на них угольных станций. Это было важно для обеспечения коммуникаций Порт-Артура с Владивостоком, признанных главными портами России на Тихом океане²³². Командование Тихоокеанской эскадры придавало настолько большое значение обладанию портом в Корее, что готово было уступить всю страну Японии, закрепив за Россией лишь остров Кожедо (Каргодо)²³³. По-видимому, последнее условие устраивало и корейского короля: от него не требовалось значительного содействия, и присутствие России ощущалось²³⁴. Поэтому переговоры об этом продвигались относительно успешно. Сначала моряки намеревались приобрести участки в трёх открываемых для иностранцев портах – Сонмине, Пиньяне и особенно –

²²⁸ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 18 августа 1898 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.85. Л.14–15.

²²⁹ Правление КВЖД – С.Ю. Витте 2 октября 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.529. Л.31.

²³⁰ Резолюция министра финансов 21 января 1899 г. // Там же. Д.21. Л.98 об. Она была сообщена 25 января 1899 г. П.М. Романовым Д.М. Поздневу в Пекин как руководство к действию (Л.106).

²³¹ Пометы С.Ю. Витте на письме М.Н. Муравьёва 5 января 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.21. Л.126.

²³² Русско-японская война 1904–1905 гг. С.326.

²³³ С таким предложением выступил в 1899 г. командир Тихоокеанской эскадры вице-адмирал Я.А. Гильдебрандт (Симанский П.Н. Указ. соч. С.67). Непонятно, почему офицер игнорировал одно из важнейших условий расположения такого порта: к нему следовало обязательно подтянуть железную дорогу.

²³⁴ Иначе действовать было невозможно, так как любые попытки договориться с корейцами негласным образом тут же сообщались ими японцам.

Мазанпо²³⁵. Чуть позже командующий Тихоокеанской эскадрой Ф.В. Дубасов уточнил: их интересовал только Мазанпо²³⁶. Однако с покупкой опоздали: на торгах, открытых 20 октября 1899 г., из 35 предложенных участков 16 сразу купили японцы, Россия в конкурсе вообще не участвовала из-за оплошности дипломатов. Не удивительно, что самое удобное место для угольной станции, которое присмотрел Ф.В. Дубасов, оказалось у выходца из Страны восходящего солнца, который не собирался уступать его ни за какие деньги²³⁷.

С большими сложностями, используя подставное лицо, удалось приобрести другой участок. 17 марта 1900 г. в Сеуле было подписано соглашение с правительством Кореи об отводе России концессии в Мазанпо²³⁸. Однако 22 мая, когда состоялась фактическая передача территории, Петербург ожидал сюрприз: оказалось, что в пределах концессии несколько участков уже официально принадлежало японцам. А.И. Павлову пришлось вступить в переговоры с японским посланником и искать решение, так как хозяева участков с землёй расставаться не намеревались. Решив уточнить, кто же на самом деле является собственником в пределах концессии, моряки получили ещё более неожиданный результат: несколько дней спустя на многих «корейских» участках появились японские флаги. Разъярённый А.И. Павлов не выдержал: он высадил на территорию концессии русский военный десант, который удалил иноземные знамёна. Но российскому дипломату пришлось признать, что эти территории действительно принадлежали подданным Токио. России с трудом удалось выменять лишь часть из них.

Тем не менее, купленной территории было недостаточно для строительства причала²³⁹. В конце концов дипломатам удалось настоять на том, что корейские власти предоставили России бухту рядом с Мазанпо с береговой полосой в 2641 метр общей площадью около одного квадратного километра. Несмотря на сложность операции, моряки полагали, что усилия были потрачены не напрасно, так как результаты «не оставляют желать ничего лучшего с точки зрения преследуемых в настоящее время морским ведомством целей»²⁴⁰. 17 мая 1900 г. Морское министерство заключило с известным дальневосточным контрагентом М.А. Гинсбургом соглашение сроком на пять лет, по которому предприниматель обязывался держать на территории русской концессии

²³⁵ П.П. Тыртов – М.Н. Муравьеву 7 апреля 1899 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.2006. Л.3.

²³⁶ Ф.В. Дубасов – П.П. Тыртову 29 апреля 1899 г. // Там же. Л.15.

²³⁷ Русско-японская война 1904–1905 гг. С.308, 331–338.

²³⁸ АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.58. Л.49–51; Пак Б.Д. Указ. соч. С.319–320.

²³⁹ Японцы очень внимательно следили за стремлением русских приобрести участки в Мазанпо. Они трактовали это как недостоверность заявлений России на правительственном уровне об отсутствии у неё интересов в Корее (Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 1.4.1–26. Part 1–2 (переписка по Корею 1899–1900 гг.)).

²⁴⁰ А.И. Павлов – в МИД 30 мая 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.785. Л.78–83.

в Мазанпо в течение года 10 тыс. тонн кардиффского угля для нужд эскадры²⁴¹. Однако из-за нежелания ссориться с японцами причал там так и не оборудовали²⁴². В марте 1901 г. в Мазанпо находилась лишь маленькая охранная команда из семи матросов при унтер-офицере²⁴³.

Впрочем, А.И. Павлову казалось, что дела России в королевстве обстоят неплохо. Признавая, что устранить японское влияние уже невозможно, он, тем не менее, был уверен: «Я убеждён, что в тот день, когда мы будем в состоянии громко прикрикнуть на Японию – “больше не трожь”, да впридачу высыпать на Корею миллионов 5 денег, то от нынешнего “громдного” влияния японцев останутся одни воспоминания»²⁴⁴. Кажется, дипломат так же, как и некоторые чиновники в Петербурге, предался иллюзиям. Он утешал себя тем, что Россия идёт на уступки в Корею по собственной инициативе и в любой момент может прекратить такие действия. Подобные односторонние шаги не делали чести российской политике, особенно на Востоке. Там любые уступки однозначно интерпретировались как боязнь Японии Россией, что наносило сильный удар по престижу Петербурга, и компенсировать его не могли никакие рассуждения вроде «мы ещё вернёмся». Да и по существу односторонняя сдача позиций свидетельствовала в лучшем случае о непоследовательности и непродуманности курса, а в худшем – о слабости. То есть, такая политика всегда оборачивалась для России неудачей. Беда таилась в том, что заметить это могли немногие и ещё меньше было тех, кто отваживался вслух говорить об этом.

Несмотря на значительные уступки Японии, российская политика в Корею не вполне устраивала Страну восходящего солнца. Японцы стремились к ещё большим преференциям, используя для этого любые возможности и подыскивая всевозможные аргументы. Т. Хаяши в начале 1900 г. сообщал, что по его данным, Россия концентрировала свои усилия на Персии, поэтому Японии следовало занять жёсткую позицию в отношении Кореи²⁴⁵. Токио искал поддержки в Лондоне, но британские дипломаты, сочувствуя своему будущему союзнику на словах, на деле отказались помочь, так как Англия увязла в войне в Южной Африке с бурами. Они ограничились советом: почему бы японцам и британцам не потребовать от короля предоставить и им места для угольных станций на корейском побережье? Если Сеул не удовлетворит просьбу, ему придётся признать факт особых отношений с Петербургом²⁴⁶. Японцы вос-

²⁴¹ РГА ВМФ. Ф.467. Оп.1. Д.53. Л.1–3.

²⁴² Русско-японская война 1904–1905 гг. С.344–350.

²⁴³ РГА ВМФ. Ф.467. Оп.1. Д.53. Л.65.

²⁴⁴ А.И. Павлов – Д.Д. Покотилу 10 апреля 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.52. Л.36.

²⁴⁵ Т. Хаяши – С. Аоки 3 марта 1900 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 1.4.1–26. Part 1. P.290–293.

²⁴⁶ Ю. Комура (Петербург) – С. Аоки 2 июня 1900 г. // Ibid. Part 2. P.805–806.

пользовались советом и летом 1902 г. получили на сходных условиях почти 1 кв. км. побережья. Но Токио хотел большего.

5.8. Влияние боксёрского восстания на действия России в Корее

Существенное влияние на политику России в Корее оказали события 1900 г. в Китае. Боксёрское восстание и его подавление вызвало у российских военных соблазн ввести войска не только в Маньчжурию, но и на Корейский полуостров. После того, как русские солдаты появились в Северном Китае и совершенно очевидно не собирались быстро покидать его, Япония решила требовать себе компенсаций. Токио вернулся к идее размена: содействовать России в Маньчжурии за признание свободы рук себе в Корее. 15 июля 1900 г. В.Н. Ламздорф встретился в Петербурге с Ю. Комуруй. Японский дипломат общими фразами говорил о том, что боксёрское восстание может распространиться на Корею (то есть, организовать беспорядки в королевстве Япония могла, вероятно, в любой момент) и тогда Стране восходящего солнца придётся принимать меры, поэтому Токио желал заблаговременно обменяться мнениями об этом с Россией. Заодно японский посланник вспомнил об аренде Россией Ляодуна, намекая на ответные уступки в королевстве. В.Н. Ламздорф, разумеется, повторил официальную позицию Петербурга, отвергнув всякую связь Кореи и Ляодуна, но всё-таки не уклонился совершенно от переговоров, попросив представить ему письменные предложения Токио. Министр не собирался и далее уступать Японии в королевстве, в чём он получил полное одобрение Николая II, но вести себя непреклонно он не мог: Россия опасалась возможного ввода японских войск на полуостров²⁴⁷.

Аналогичные усилия прилагались параллельно и в Токио. Х. Ито, несмотря на то, что не занимал тогда официальных должностей в правительстве, тем не менее, очень активно общался с российским посланником А.П. Извольским, настойчиво убеждая его, что интерес Японии к Корее велик (она намерена «играть преобладающую роль») и неустраним. Маркиз связывал события в Китае в 1900 г. и корейский вопрос, утверждая, что все (!) в Японии полагали: «Настоящий кризис будет иметь последствием окончательное утверждение в той или иной форме и под тем или другим наименованием русской власти в Маньчжурии». Япония же со своей стороны стала бы искать «соответствующие выгоды» в Корее. Несмотря на некоторую неопределённость речей Х. Ито, А.П. Извольский уловил, что в них предполагались два варианта решения корейского вопроса: мирно, путём соглашения, или войной. Многоопытный сановник выступал за соглашение, но при этом он ничего не говорил о его

²⁴⁷ Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа 16 июля 1900 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.99. Л.128–131; Пак Б.Д. Указ. соч. С.327.